

Ключевые слова. Психика, сознательное, бессознательное, архетипическая символика, архетипы.

Резюме. Об'єктивування архетипної символіки в процесі аналізу комплексу тематичних психомалюнків сприяє виявленню змісту логіки несвідомої сфери психіки підлітка, яка підтверджує наявність інтимних почуттів до близьких людей.

Ключові слова. Психіка, свідоме, несвідоме, архетипна символика, архетипи.

© 2013

Т. С. Яценко, О. Н. Усатенко (г. Ялта)

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ «ПУСТОТЫ» И ЕЕ ПРЕЗЕНТАЦИЯ В САМОВИЗУАЛИЗАЦИИ ПСИХИКИ СУБЪЕКТА

Постановка проблемы. Впервые в рамках психодинамической парадигмы ставится проблема визуализации архетипа «пустоты» в процессе спонтанной метафорически-символической самопрезентации субъекта. В глубинной психологии вопрос адекватности материализовано-визуализированных презентантов смысловой сущности феномена психического находится в центре исследовательского внимания, что способствует раскрытию смысловой нагрузки архетипа пустоты.

Изложение основного материала. Архетипическая сущность пустоты, согласно нашей гипотезе, передает определенные смыслы в единстве с психической реальностью в ее подструктурной целостности, включая защитную систему. Работа выполнена в формате глубинной психологии, опирающейся на психодинамическую парадигму [12 – 15, 23 – 27], что синтезировано выражает «Модель внутренней динамики психики» [26, с. 203]. Основным методом, ассимилирующим психодинамическую теорию, является активное социально-психологическое познание (АСПП), которое включает ряд методик (психоанализ комплекса тематических рисунков, лепка, работа с камнями и др.), объективирующих скрытую (неосознаваемую) глубинную сущность психики в процессе диалогического взаимодействия с респондентом. Целостность психического согласуется с противоречивостью его сущности, заданной энергетической разнонаправленностью сфер сознательного и бессознательного. Сказанное позволяет уточнить понимание феномена пустоты, что указывает на причастность к ней как сознательного, так и бессознательного. Последнее открывает перспективы диалогического взаимодействия психолога (П.) и респондента (Р.), которое зиждется на такой постановке вопросов П. (к Р.), которые актуализируют приток энергии, мотивирующий ответы.

Практика и теория АСПП в последнее время обнаружили перспективы самопрезентации субъектом латентного содержания психики в материализованных формах. Последнее предполагает спонтанность и произвольность его поведения, сориентированного на использование рисования, лепки, моделирования (эмотивно важных аспектов психики) из камней в сочетании с лепкой из теста. Такой подход ориентирован на познание энергетической потенции бессознательного, которая заблокирована вытеснениями и сопротивлениями, что создает поле энергетического напряжения, стремящегося к проявлению вовне (в поведении). Учитывая подчиненность психики системе психологической защиты (обладающей виртуозной способностью камуфлировать проявления смысловых параметров бессознательного), мы понимаем, что опредмеченные средства самопрезентации являют собой непрямую форму перекодирования смысловых параметров идеальной реальности психического с сохранением «информационных эквивалентов». Поэтому, получая, при тех или иных условиях, презентанты психического в его целостности (благодаря спонтанности и произвольности поведения), перед нами встала проблема его декодирования, распаковывания, разворачивания смысловых инвариантов бессознательного в диагностико-коррекционном процессе, опирающемся на диалогическое взаимодействие с респондентом.

Вышеизложенное предопределяет предположение: пустота, которую субъект объективирует через осязаемую природу самопрезентанта, является осязаемой и видимой, а с другой – таинственной и семантически имплицитной. Задача глубинного психолога интегрировать подструктуры психики респондента, благодаря объективированию.

Преимущество опредмеченных средств состоит в том, что они целостно выражают психику в эссенцированном виде. Образность этих презентантов позволяет обнаружить противоречивую сущность психического, которая своей разнонаправленностью («сознательное – бессознательное») и обуславливает пустоту, что иллюстрируют рисунки.

Процесс символизации связан с неосознаваемыми смыслами бессознательного, которые проявляются вовне в замаскированном виде. В данном контексте понятным кажется утверждение А. М. Полякова, который символ определяет как «уникальную пустую форму» [9, с. 40], наполняемую индивидуально-неповторимым содержанием при участии архетипа. Символ обладает способностью целостно выражать психическое включая

антиномию противоречивых тенденций. Глубинному познанию свойственна динамика распаковывания разворачивания смысловой нагрузки символа. Можно так определить направленность диагностико-коррекционного процесса: от полизначности к однозначности, от символа к знаку (очевидному). Другими словами, к определенности первопричины личностной проблемы субъекта. Опыт, презентуемый символом, носит трансцендентный характер, что указывает на его слияние с архетипом пустоты.

Символизация психики субъекта в его авторских рисунках позволяет уточнить, что архетипическое содержание «пустоты» находит выражение в самых разных темах, что можно видеть по приведенным в данной статье рисункам (см. рис. 1 – 16). В работе использованы рисунки участников Авторских школ по глубинной психокоррекции академика НАПН Украины Т. С. Яценко [12 – 15; 25; 27].

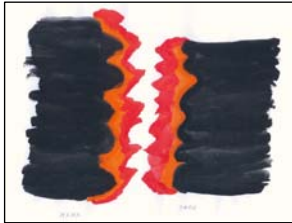

Рис. 1. Развод
(пустота между частями)

Рис. 2. Идеальная семья.
Восприятие моего
несуществования (пустота)

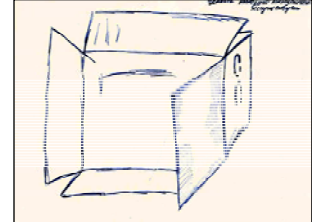

Рис. 3. Человек, который
психологически не
существует (пустота в
коробке)

Рис. 4. Психологически
несуществующий для меня
человек (пустота вокруг
креста)

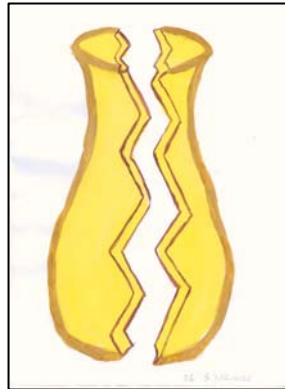

Рис. 5. Я-реальное
(пустота между
расколотыми частями
вазы)

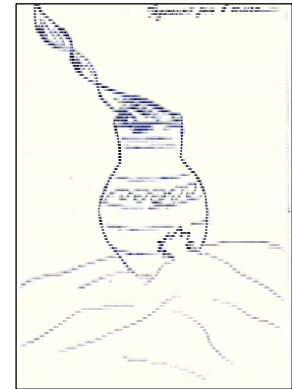

Рис. 6. Радостный
день в семье (пустота в
квшине)

Рис. 7. Я в семье
родителей (горшок
витает в пустоте)

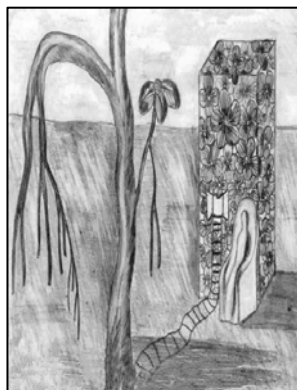

Рис. 8. Дом, дерево и
след человека (справа)

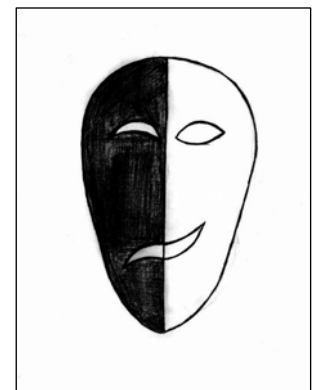

Рис. 9. Психическое
состояние близких мне
людей (маска за
которой пустота)

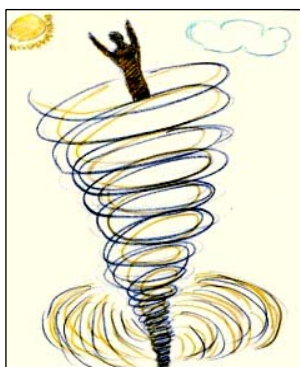

Рис. 10. Кризис и этапы выхода из него (выход в пустоту)

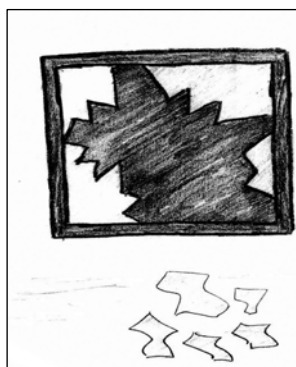

Рис. 11. Восприятие близкими моего несуществования (пустота в разбитом)

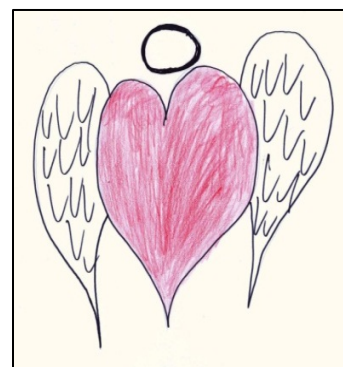

Рис. 12. Моя исполнявшаяся мечта

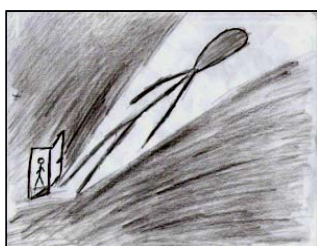

Рис. 13. Дорога жизни – след моего отца (автор слева в двери)

Рис. 14. Как меня видят люди и как я вижу сам себя (через отражение в воде)

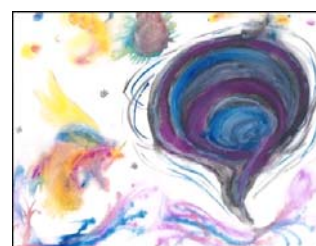

Рис. 15. Я в семье родителей (вихрь)

Рис. 16. Мое самоощущение

Рис. 17. Chessman «Шахматная фигура»

Авторские рисунки (рис. 1 – 16) представляют архетипическую визуализацию самых разных состояний субъекта через феномен «пустоты». Архетипичность подобной (рисуночной) символизации указывает на присутствие механизма намека. Последнее подтверждает гипотезу об отсутствии в сознании семантической наполненности пустоты. Для исследовательского глаза «намеки» указывают на тенденцию к психологической смерти. Попытаемся конкретизировать смысловую нагрузку архетипа «пустоты» иллюстрациями рис. 1 – 16, при этом будут учтены объяснения авторов рисунков. Рис. 1 отражает ощущения автором себя промежутком в воздухе отрезвляющим противостояние родителей в конфликте; рис. 2 – потеря веры в возможность идеала семьи, под влиянием родительской семьи, на тенденцию к психологической смерти указывает присоединение темы «несуществование»; рис. 3 – символ несуществования человека связан с пустотой, что может выступить намеком на несуществование себя, в контексте родителей или сиблинга (коробка может быть рассмотрена как архетип утробы); рис. 4 – несуществование человека передано пустотой вокруг креста; рис. 5 презентует «Я» автора пустотой между расколотыми частями кувшина; рис. 6 – пустота в кувшине отнесена автором к радости в семье, намек на пустую утробу (рождение ребенка); рис. 7 – ощущение пустоты в отношениях с родителями: автор (горшок с деревом) отстранен от символов родителей – «горы по бокам»; рис. 8 – автор в рисунке на тему «Дом, дерево, человек» презентован следом от человека; рис. 9 – пустота за маской презентует состояние близких людей; рис. 10 – выход в «пустоту» как способ решения кризиса (намек на тенденцию к психологической смерти); рис. 11 – пустота в разбитом зеркале символизирует «несуществование» автора; рис. 12 – пустота нимба символизирует высоту автора, которую он приобретает в «сердечных» делах; рис. 13 – автор указывает, что он отсутствует в жизни, она лишь «след отца», создает иллюзию величия маленькой фигурки

(автора) в двери за которой свет, бросающий такую большую тень (рис. 13 указывает на эмоциональную зависимость от матери (комната – архетип утробы)); рис. 14 отражает пустоту самовосприятия автора (лишь блик в воде); рис. 15 презентует через архетип вихря внутреннюю пустоту при внешней активности; рис. 16 презентует дыры (пустоты) в груди и на уровне половых органов, что указывает на самокастрацию (психологическую импотенцию) автора [27; с. 184, 186]. Подобие авторского рисунка 16 и картины (рис. 17) свидетельствует об универсальности семантики пустоты.

Обобщенный анализ рисуночного материал указывает на: реальность существования пустоты в ощущениях респондента; ее презентацию в материализовано рисуночных формах, цвете и через соотношение фигур; существование взаимосвязи пустоты с реальными образами того или иного рисунка; то, что архетип пустоты экспликативен и одновременно маскирует сущностные аспекты психического, которые представляют ядро личностной проблемы. Эмпирические основания позволяют утверждать, что архетип пустоты неизменно содержит в себе намек на присутствие тенденции к психологической смерти, что требует диагностико-коррекционного вмешательства, в целях реконструирования дисфункциональных подструктур психики.

Подводя итог, важно указать, что пустота в ее архетипном, т.е. универсальном и одновременно индивидуализированном содержании презентует интимно-важные смыслы психики человека, касающиеся перекрестья ведущих тенденций: притяжения и отторжения, что указывает на эдипальную зависимость.

Архетип «пустоты» подвержен перекодированию не только в рисунке, но и в лепке самопрезентантов (фото 1 – 5).

Модель (фото 1) представляет самопрезентацию протагонистом своего «Я» в виде черепа. Далее протагонист попросил сделать фото его отражения в крышке стеклянного стола, заявив, что это отражение и есть его подлинная сущность Я. Таким образом, по утверждению протагониста – не череп (лепка) есть его презентант, а пустота под крышкой стола, что является лишь тенью материализованного презентанта.

Фото 1. Презентант «Череп» Фото 1. Модель «Я сейчас»

Фрагмент психокоррекционной работы с протагонистом К. (студент психологического факультета КГУ, г. Ялта)

К.: Я думал, с какой стороны смотреть на свое сознание, и только сейчас понял, что моя сущность – это отражение черепа в стеклянной крышке стола (фото 2).

П.: Можешь смотреть на себя с разных ракурсов? Это череп изображен?

К.: Нужен правильный ракурс видения композиции, чтобы сохранилось ее отражение на стекле, важно то, что под лепкой, т. е. зеркальное отражение.

П.: Нужно анализировать отражение композиции под стеклом, т. е. то, что внизу?

К.: То, что внизу более важно и дополняется образом, который я слепил, тогда это целостность.

П.: Зачем нужно отражение?

К.: Если честно, я не знаю, но так правильно, есть ощущение целостности фигуры, без этого презентант-лепка лишь частичное отражение меня.

П.: Кого может символизировать череп?

К.: Да, это человеческий череп, но без ушей. И глаза у него тоже есть, правда очень глубокие (это дыры), но без цвета, их плохо видно. Если бы был черный перец, я бы его туда обязательно втолкнул. У головы два рта, даже три: один из них делится на два.

П.: Вот насколько мы индивидуальны – у каждого свое представление о количестве ртов (у кого-то ни одного, у кого-то – три). Наверное, ты видел у кого-то много «ртов»?

К.: Лично у меня выражено такое умение в разных ситуациях пользоваться разными ртами.

П.: Значит, ты оригинал? В твоей семье больше никто не имеет «несколько ртов»?

К.: Нет, я такой один.

П.: Кто относится к твоей семье?

К.: Мама и кот. Правда, кот – «больше семья», чем мама.

П.: Возможно, рот на черепае, сам с собой говорит? С котом ведь не поговоришь.
К.: Сомневаюсь. Так бывает у меня в жизни, а кот недавно появился.

Как показывает фрагмент стенограммы протагонист К. сам (благодаря фотографии) ввел вторую часть своего самопрезентанта «под стеклом», как невидимую, но важную часть целостности его психики, указывая на ведущую роль того, что «под стеклом».

Фото 3. Презентант «Мое настоящее и будущее»

Фото 4. Самопрезентант «Ракушка»

Модель (фото 3) представляет самопрезентацию протагонистом своего «Я» в настоящем и будущем. Фото 3 показывает отличие самовосприятия в настоящем и в будущем, презентованные пустотой между частями Ин и янь (в настоящем). В данном сборнике статья Т. С. Яценко (*о визуализации психики*, с. ?-?) презентует соответствующий психоаналитический материал диалогического взаимодействия с автором этой лепки. В этом случае мы лишь укажем на то, что, пустота является не только индикатором психологического неблагополучия, но и обнаруживает ее смысл для психики респондента. Наряду с этим, важно отметить, что мы никогда не работаем с пустотой или каким-либо другим архетипическим образом, диагностико-коррекционный диалог ведется с респондентом в целях выявления глубинных истоков личностной проблемы, о которой сигнализирует пустота.

Фото 5. «Разрывание» презентанта в поисках сердца

Архетип пустоты не всегда соотносим с визуальной ее предопределяемостью другими материализованными фигурами (как к примеру на фото 3). Так лепка на фото 4 и 5 косвенно указывает на ощущение респондентами пустоты. На фото 4 респондент представляет себя жемчужиной в ракушке. Учитывая архетипичность семантики образа ракушки как утробы, можно заключить, что при закрытой ракушке она находится в пустоте. В другом случае, фото 5, респондент внутрь презентанта спрятал (зашил) собственное сердце, что указывает на тенденцию к психологической смерти (которой неизменно сопутствует пустота). Зарытое сердце – это намек на его отсутствие, на психологическую смерть респондента, что подтвердил эмпирический материал (см. статью *И.В.Евтушенко в данном сборнике*, с.162-168). Отсюда вывод, что, архетип пустоты сопряжен с механизмом намека на личностную проблем субъекта, т.е. на внутреннее стабилизированное противоречие.

В качестве итога к анализу презентантов с использованием лепки (в которой акцент сделан на пустоте, как одном из важных аспектов самопрезентации), напрашиваются слова Э. Помыткина: «Кто не слеп – тот узрит и в невиденном суть» [10].

Архетип «пустоты» часто представляется женскими фаллическими символами, презентующими «безжизненную» (обезвоженную) утробу (дырявые кувшин или ваза, закрытая ракушка, пустая коробка, корзина, вихрь, отражение в зеркале), что является намеком на эдипальную зависимость, издержками которой является блокирование и омертвление чувств и др.

Обращает внимание сходство архетипической символики независимо от отличий средств визуализации (рисунок, лепка, камни и др.). Эмпирический материал обратил внимание на взаимосвязь символов с механизмами символизации, в частности механизмом намека. К примеру, протагонист, у которого утонул отец, в рисунках изображает круги на воде, таким образом, круги на воде – намек на отсутствие (пустоту) отца. Если, у

матери умер ребенок, то есть опасность, что последующий ребенок будет жить в атмосфере *незримого «присутствия»* отсутствующего ребенка. Условно это можно назвать «присутствующая пустота», иначе говоря, «*тень другого (ушедшего) съедает радость живущего*». Вспомним ситуацию Винсента Ван Гога, мать которого приводила его на могилу старшего брата и тем самым обусловила его самоувечия: из-за желания, чтобы его тоже так сильно любили. При этом ставка снова сделана на пустоту – «отрезание уха». Таким образом, есть все основания утверждать, что пустот не бывает, они наполнены наиболее интимно значимыми смыслами, духовная природа которых легко передается соотношением материальных средств (включая изображения). В данном контексте приведем ряд художественных полотен (Дж. Варена, Я. Йерки, В. Куша, Р. Магритта, Д. Хо и др.), в которых смысловая нагрузка наиболее выразительно презентована через «пустоту» (см. рис. 18 – 26).

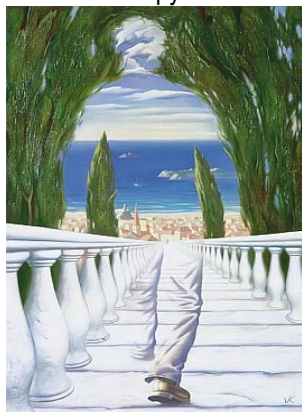

Рис. 18. В. Куш
«Descent To The
Mediterranean»

Рис. 19. В. Куш
«The Shot»

Рис. 20. Дж. Варрен
«Fly Away»

Рис. 21. Дж. Варрен
«A World Within»

Рис. 22. Дж. Варрен

Рис. 23. Р. Магритт
«Ожидание»

Рис. 24. Д. Хо
«Любовь»

Рис. 25. Истиан
«Зеркало сущности»

Рис. 26. С. Покотиллов
«Один на один с собой»

Толковый словарь рассматривает пустоту как «незаполненность или ощущение незаполненности», *пустое, ничем не заполненное пространство* [6, с. 145]. Процесс визуализации психического подтверждает указанные характеристики. Если за критерий взять отсутствие чего-либо, незаполненность, то это состояние

можно квалифицировать как депривация, одиночество, эмоциональная изоляция, ощущение психологического вакуума, состояние душевной опустошенности, обделенности.

Таким образом, пустота несет информационную нагрузку, требующую декодирования. Разнонаправленность энергетических потоков в системе «сознание – бессознательное» создает риск «обнуления» энергии субъекта, что проявляется в тенденциях психологического импотирования и психологической смерти [20].

Ученые, исследующие Вселенную, утверждают, что пустота понятие относительное, она наполняется [5, 8, 21]. Чтобы объяснить распространение электромагнитных полей «в пустоте», физики ввели термин «эфир», современные ученые зовут пустоту вакуумом. Демокрит и Эпикур считали, что мир состоит из атомов и пустоты между ними, «пустота как «ничто» – условие всякого «что»...». В терминах Платона – это парадокс бытия и небытия. Р. Декарт отрицал существование пустоты, а П. Гассенди утверждал, что между атомами должна быть «абсолютная пустота».

Черная дыра меж звезд кажется «пустотой», поскольку не извергает даже фотонов. Чёрной дырой астрономы называют не какой-то физический объект, а область в пространстве и времени, в которой гравитационное притяжение настолько велико, что ни вещество, ни излучение не могут ее покинуть, даже свет, не могут проникнуть за «горизонт событий». Пустота подобно не только влечет наше внимание, но и центрирует (притягивает) его.

Современные физические «теории квантового поля» рассматривают пустоту как динамическую величину. Ф. Капра утверждает, что «материализованные тела не имеют собственной сущности, но являются неразрывно связанными со своим окружением; и их свойства могут восприниматься только в терминах их взаимодействия с окружающим миром» [5, с. 112]. Таким образом, «пустота» содержит в себе возможность существования различных форм, включая и идеальную психическую.

В психологии вопрос о пустоте представлен в исследованиях Р. Ассаджоли, Г. Олпорта, Ж.-П. Сартра, С. Фанти, В. Франкла, Э. Фромма, М. Хайдеггера и др. М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр проблему пустоты рассматривали в экзистенциальном ракурсе, во взаимосвязи с ключевыми понятиями «бытие» и «смысл жизни». В экзистенциализме человек одинок перед «лицом ничто», что вызывает у него страх, только он может открыть человеку бытие, привести его к самостоятельности и свободе [19]. Поэтому этот страх нужно сознательно взять на себя и переносить его [4]. Ж.-П. Сартр утверждает, что пустота есть базовая и единственная реальность человека, также как и связанные с ней переживания тревоги, заброшенности и отчаяния – являются экзистенциальной данностью, с которой человеку приходится смириться и с ними жить [11]. Свобода состоит лишь в выборе средств и способов заполнения имеющейся пустоты, избавиться от нее не в силах никто, поскольку пустота – это основа бытия!

Американский психолог Г. Олпорт определил состояние пустоты как «экзистенциальный вакуум» («внутренняя пустота»). Дальнейшее исследование этот феномен получил в работах Э. Фромма: «Бегство от себя позволяет избежать возможности обнаружить пустоту в себе» [18], объясняя это фрустрированной потребностью определения «смысла жизни». *Экзистенциальный вакуум – это ощущение внутренней пустоты, формирующееся у человека в результате бегства или отказа от жизненных целей, уникальных смыслов и личных ценностей* (по В. Франклу «Переживание бездны») [17]. Показателем такого состояния являются скука, апатия, бессодержательность и бессмысленность жизни, тревога, отчаяние. В логотерапии этот феномен квалифицируется фактором, влияющим на формирование и развитие зависимостей.

Р. Ассаджоли характеризует кризис, предшествующий духовному пробуждению, через «ощущение неподлинности и пустоты повседневной жизни» [1, с. 34], при котором «состояние тревоги и беспокойства становится все более мучительным, а ощущение внутренней пустоты – невыносимым» [1, с. 35]. Таким образом, ученый рассматривает пустоту как предпосылку синтеза психики на более высоком уровне ее развития.

Микropsихоанализ С. Фанти рассматривает пустоту в двух проявлениях: материальную (космическая (физическая), биологическая) и психическую (идеальную). Последняя обуславливает энергетический контекст человека, для понимания которого С. Фанти ввел понятие «нейтральный динамизм пустоты» (НДП) в его связи с «инстинктом попытки» [16, с. 10]. Нормальным считается состояние «отражающее компромисс с пустотой, заключающееся на различных уровнях ее психо-энергетической организации» [16, с. 245] Проявлениями психической пустоты в психоаналитической работе С. Фанти считал «навязчивые фразы», молчание, состояние ступора и т.п. Соответственно различные невротические состояния обуславливаются борьбой с «гравитационным притяжением пустоты, обусловленным психической почвой» [16, с. 254], а «влечение к смерти – это склонность к возврату в пустоту» [16, с. 88]. Последнее согласуется с результатами, полученными в глубинной психокоррекции, которые неизменно подтверждают связь «пустоты» с тенденцией к «психологической смерти».

В системном подходе Б. Хеллингера сущность «пустоты» отражает понятие *прерванного движения любви*, обусловленное капсулированием либидных чувств одним из членов рода, что передается из поколения в поколение [20].

В религиозных течениях каббалы и иудаизма переживание пустоты является предпосылкой пробуждения в человеке стремления к **смыслу жизни**: «пустота – это глубинная сущность действительности... означает, что все понятия человеческого мышления пусты, лишены абсолютного содержания. Сама же Действительность, или Пустота, не просто состояние незаполненности, а единственный источник всей жизни и единственное содержание всех ее форм» [5, с. 52 – 53].

Пустота присутствует в мифах древней Греции о происхождении мира богов, где хаос рассматривался как источник жизни, из которого возник весь мир. Хаос породил Непостижимую Бездну – Тартар, пустоту, черную дыру. На протяжении всей истории Боги использовали его глубины в качестве наказания поверженных, поскольку никто не мог вырваться из Бездны *своими силами* [7].

Архетип «пустоты» как один из литературных архетипов является предметом культурологических и литературоведческих изысканий [2, 22]. Пустота рассматривается как основообразующий архетип в художественных произведениях, описывающий внутреннее состояние человека и опосредованно характеризующий общество. В романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» символически презентован «пустой» человек и раскрывается смысл его существования. В произведении В. Сорокина «Лед» человек спасается бегством от воздействия окружающих «людей-машин» к самому себе, но оказывается, что стремиться ни к чему: внутри героя – вакуум, пустота.

Архетип «пустоты» в метафорической форме в повседневной жизни презентован народными выражениями и афоризмами, в частности: «пустое место», «свято место пусто не бывает», «пусто на душе» (пустая душа), «пустые глаза», «пустая болтовня», «пустой звук», «оставить след», «переливание из пустого в порожнее», «пустая голова», «впустую» и т.п.

Выводы. В статье раскрывается архетипическая сущность «пустоты», что находит выражение в авторских рисунках, произведениях изобразительного искусства, лепке и символике психорисунков, что конкретизировано в образах тени, следа, маски, вихря, вакуума, космоса, ауры, кокона, отражения, пустыни и т.п. Обобщенный анализ эмпирического материала показывает, что архетип «пустоты» причастен к объективированию (экспликации) психического в материально-визуализированные формы с сохранением информационных эквивалентов, независимо от средств перекодирования психики (вербально-невербальные). Материализация психического важна еще и потому, что позволяет оттенить (выделить) пустоты, несущие наиболее существенную информацию для глубинного познания психики, своей «невидимостью» (защитной маскировкой) и наиболее сущностным (смысловым) образованием.

Литература:

1. Ассаджолли Р. Психосинтез. – М.: REFL-book, 1994.
2. Барышева С. Г. Экзистенциальная архетипика в художественном пространстве современной русской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Барышева. – Магнитогорск, 2006. – 24 с.
3. **Большанин** А. Пустота и экзистенциальный вакуум: перспективы экзистенциальной терапии // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2009. – № 14.
4. Ерофеев В. Проза Сартра / В. Ерофеев // В лабиринте проклятых вопросов. Эссе. – М., 1990. – С. 268.
5. Капра Ф. Дао физики – М.: ООО Издательство «София», 2008. – 416 с.
6. Малый академический словарь. — М.: Институт русского языка Академии наук СССР. Евгеньева А. П. – 1957 – 1984.
7. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М., 1990. – С. 317.
8. Новиков И. Д. Черные дыры и Вселенная. — М.: Мол. гвардия, 1985. – 190 с.
9. Поляков А. М. Роль символической функции сознания в становлении субъектности
10. Помыткин Э. 25 жемчужин духовной мудрости / Э. Помыткин. – К. 2010.
11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 638 с.
12. Теория и практика глубинной психокоррекции Авторская школа академика АПН Украины Т. С. Яценко / Под ред. академика Т. С. Яценко. – Донецк: ДИПІП, 2008. – 268 с.
13. Теория и практика глубинной психокоррекции Вторая Авторская школа академика НАПН Украины Т. С. Яценко / Под ред. академика Т. С. Яценко. – К.: ПП «Мастерпринт» 2009. – 221 с.
14. Теория и практика глубинной психокоррекции Третья Авторская школа академика НАПН Украины Т. С. Яценко / Под ред. академика Т. С. Яценко. – Ялта: РИО КГУ, 2010. – 202 с.
15. Теория и практика глубинной психокоррекции: Шестая Авторская школа академика НАПН Украины Т. С. Яценко / Сост.: А. В. Глузман, В. П. Андрущенко (и др.) / Под ред. Т. С. Яценко. – К.: Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2012. – 226 с.

16. Фанти С. Микropsихоанализ. – М., 1995. – 352 с.
17. Франкл В. Воля к смыслу/Пер с англ. М.: Апрель-Пресс, Изд-во эксмо-пресс, 2000. 368 с.
18. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990.
19. Хайдеггер М. Ницше и пустота / Сост. О. В. Селин. — М.: Алгоритм : Эксмо, 2006.
20. Хеллингер Б. Порядки любви: разрешение системно-семейных конфликтов и противоречий / Перевод с немецкого: Диана Комлач. — М.: Издательство Института психотерапии, 2007.
21. Черепашук А.М. Поиски черных дыр / Успехи физических наук. – 2003. – Т. 173. – № 4. – С. 345 – 382.
22. Шубина П. В. Пустота как онтологическая и гносеологическая категория: способы говорить об отсутствии в западноевропейской философии: автореф. дис ... канд. филос. наук / П. В. Шубина. – Архангельск, 2005. – 12 с.
23. Яценко Т. С. Архетипная символика и индивидуальная неповторимость ее психологического содержания // Журнал практикующего психолога. – 2012. – Вып. 19. – С. 96 – 114
24. Яценко Т. С. Основи глибинної психокорекції: феноменологія, теорія і практика: навч. посіб. / Т. С. Яценко. – К. : Вища шк., 2006. – 382 с.
25. Яценко Т.С Проблема глубинного познания психики субъекта в визуализированной самопрезентации // Психотерапия. – 2012 - № 10 (18) – С. 81 – 91.
26. Яценко Т. С. Психологічні основи групової психокорекції : навчальний посібник / Т. С. Яценко. – К. : Либідь, 1996. – 264 с.
27. Яценко Т. С., Глузман О. В., Калашник І. В. Глибина психологія: діагностика та корекція тенденції до психологічної смерті: Навч. посіб. – Ялта: РВВ КГУ, 2008.

Резюме. В статье «Архетипическая сущность «пустоты» и ее презентация в самовизуализации психики субъекта» впервые ставится проблема объективирования содержания психического в его целостности через архетип «пустоты». С позиций психодинамического подхода раскрывается семантика «пустоты» в визуализированной самопрезентации психики субъекта. Раскрытию архетипической сущности «пустоты» способствовал анализ исследований в области психологии, квантовой физики, литературоведения, религии.

Ключевые слова. Самовизуализация психики, архетип пустоты, объективирование содержания, целостность психики.

Резюме. У статті «Архетипна сутність «пустоти» та її презентація в самовізуалізації психіки суб'єкта» вперше ставиться проблема об'єктивування змісту психіки в її цілісності через архетип «пустоти». З позицій психодинамічного підходу розкривається семантика «пустоти» в візуалізованій самопрезентації психіки суб'єкту. Розкриттю архетипної сутності «пустоти» сприяв аналіз досліджень в галузі психології, квантової фізиці, мистецтвознавстві, релігії.

Ключові слова: Самовізуалізація психіки, архетип пустоти, об'єктивування змісту, цілісність психіки.

© 2013

Т. С. Яценко, Е. Ю. Яручик, Е. С. Бекетова, Н. Н. Богданова (м. Ялта)

МЕТАФОРИЧНО-АРХЕТИПИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СИМВОЛА «ГЛАЗ»

Постановка проблемы. Данная работа выполнена в психодинамической парадигме, предполагающей целостность психического в единстве сознания и бессознательного. Психодинамическая методология находит выражение в диагностико-коррекционной процедуре глубинного познания психики при спонтанности и произвольности поведения субъекта.

Современное развитие психологии подвергается влиянию не только гуманитарной политики государства, но и зависит от уровня развития психологической теории и практики, которая интегрирует «низшие» и «высшие» психические явления в их закономерной взаимообусловленности. Профессионализм в практической психологии не только сориентирован на раскрытие законов функционирования психики, но и упреждает получение артефактных результатов, которые не работают на оказание помощи человеку. Статья оптимизирует психодинамический взгляд на феномен психического с присущей ему целостностью в единстве сознательных и бессознательных процессов. В работе акцентируется внимание на тех направлениях, которые преодолевают барьер экспериментализма, сориентированного на познание «низших» психических процессов. В частности, архетип «глаза» мог бы быть рассмотрен с анатомически-чувственной стороны, что могло бы оставить за кадром психологический формат поставленной в статье проблемы. Эмпирический материал, представленный в работе, указывает на причастность архетипа к психологизации образа «глаза» в следующих видах самопроизвольной активности субъекта: тату, психорисунок, лепка, художественное произведение, оберег и др.